

Данил Рудой

ОТТЕНОК УЛЬТРАМАРИНА



**СТИХИ
О ЛЮБВИ И ЖИЗНИ**

Данил Рудой
Оттенок ультрамарина.
Стихи о любви и жизни.
Современная русская поэзия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650460
ISBN 9785005009937*

Аннотация

«Оттенок ультрамарина» – это первый поэтический сборник Д. Рудого, вышедший на русском языке. В него включены стихотворения 2003–2019 годов, сгруппированные по темам, оказавшим наибольшее влияние на жизнь поэта. Сборник будет интересен людям, интересующимся стихами XXI века, и особенно тем, кто, подобно автору, переживает за судьбу русской поэзии, уже много лет пребывающей в состоянии клинической смерти.

Содержание

Апрельская любовь	6
«Апрельская любовь»	6
«Весна»	8
«Мы встретимся с тобою»	11
«Душе»	13
«Ты будешь вечно со мной»	15
«О, как ты эффектна в зеркальных очках...»	17
«Я и ты»	19
«Любовь и красное»	21
«Напоследок»	23
Последний день семестра	24
«Сны»	24
«Последний день семестра»	27
«Тот, кто мне нужен»	29
«Времена и нравы»	32
«Лицейский вальс»	34
«Учителям»	36
«Новогодняя баллада»	38
«Мечты о Петербурге»	44
«Десятилетье»	47
Мир Теней	50
«Безысходность»	50
«Душа и разум»	52

«Мир теней»	53
«Моя победа»	54
«Жизненный путь»	56
«Наш мир»	59
«Новые философы»	60
«Дорога в никуда»	62
«Через Стикс»	65
«Приказ по армии: стрелять!...»	67
«О смерти»	67
«Бункер»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Оттенок ультрамарина.
Стихи о любви и жизни
Современная
русская поэзия**

Данил Рудой

© Данил Рудой, 2019

ISBN 978-5-0050-0993-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апрельская любовь

«Апрельская любовь»

Мы знакомы давно: нас друг другу представил апрель:
Мы вдвоём были так одиноки в толпе суетливой.
Тотчас мысли мои опьянил поэтический хмель,
Ваш божественный лик озарился улыбкой счастливой.

Но потом, спохватившись и строго взглянув на меня,
Вы добавили взгляду тона нержавеющей стали,
Поздоровались сухо, но голос, печально звеня,
Подсказал мне, как сильно Вы быть одинокой устали.

Я влюбился для Вас. Потекла в бесконечность вода,
Я впервые склонил непокорную голову низко —
Вы боялись однажды меня потерять навсегда,
И поэтому не подпускали к себе слишком близко.

Вы корили меня за исканье ненужных дорог
И пытались скрывать, что за мною торопитесь следом;
Прогоняли к чертям, выставляя взащей за порог,
А потом возвращали и снова кормили обедом.

Вы меня не пытались постичь – я хранил свой секрет;

Я всегда оставался для Вас до конца непонятым.
В прах рассыпались горы, и минули тысячи лет,
Но опять, как и прежде, я в обществе Вашем приятном.

Вдохновленный цветущей сиренью и новой весной,
Я готов поразить Вас своим упоительным планом:
Я смиренно прошу стать навеки моею женой,
Чтобы наш черновик наконец обернулся романом.

апрель 2005

«Весна»

Весна! Природа торжествует:
Теперь пришла её пора.
Весной резвится и ликует
Половозрело детвора.

В лучах согретые гормоны
Из кожи юной рвутся вон.
Забыты напрочь все законы,
Весной для всех один закон:

Добиться! Наконец добиться!
Наперекор и вопреки!
Застыли в хищной жажде лица,
Глаза горят, как угольки.

И рты от жажды приоткрыты,
А за заборами зубов,
Слюною вязкою покрыты,
Висят лохмотья языков.

И на щеках горит румянец
От радиации небес,
А сверху толстым слоем глянец
На щеки давит, будто пресс.

К лицу подобрана одежда,
В ней весь весною данный вкус:
Застыла голая надежда
В разрезах – кто одет, тот трус!

Срывайте к чёрту вашей тряпки,
Явите формы красоту!
Подняли кошки кверху лапки —
Хвала весеннему коту!

Поют под окнами артисты
В мерцанье уличных свечей:
Мы – половые активисты,
И не хватает нам ночей.

Не обвиняйте нас в Пороке,
На обвиняйте нас в Грехах.
Мы, возрождения пророки,
Сжигаем ханжество в кострах.

Мы ставим жизнь земную раком,
Мещанство, пошлость бьём под дых,
Клеймим провал любовный браком —
Мы ищем доблестей иных.

Мы презираем показуху
Из оголённых женских спин.
Они чужие нам по духу,
Чем с ними – лучше уж один.

Кричащий громко быстро хрипнет,
На нет срывая голос свой,
А тот, кто к этим шлюхам липнет —
Слабак, а вовсе не герой.
Мы видим в сексе сердца действие,
А не зарядку и не спорт.
В нём нет спортсменов и судейства,
Постель – не поле и не корт.

Она скорей театра сцена:
Над нею свет софитов стих,
И это больше не арена,
А гавань – только для двоих.

Прекрасным леди мы желаем
Хотя б чуть-чуть себя беречь,
Чтоб насладиться страстным раем
С готовым в рай с собой увлечь.

Держите – кровь в разумных рамках
И перед чувствами ответ,
Тогда очнетесь с дамой в дамках:
Вот кавалерам наш совет.

март 2005

«Мы встретимся с тобою»

Мы встретимся с тобою,
Лишь путь закончим оба,
Отмеренный судьбою
С рожденья и до гроба.
К чему любовь земная,
Дитя обмана зренья?
Она умрёт, стеная,
Достойная презренья.

Морщины лет минувших
Изрежут острой сеткой
Остатки чувств уснувших,
И старость станет клеткой.

И вместе похоронят
Двоих – в одной могиле,
И капли слов проронят
В хвалебно-громком стиле.

Но всё равно отдельно
Их души в Вечность канут,
В восторге беспредельном
Они ничьими станут.

Любовь земная... Ладно,

Довольно слов нелестных.
Другое мне отраднo:
Любовь глубин небесных.

Чиста и благородна...
Без края и предела...
И полностью свободна
От сил земного тела...
Любовь небесной тверди
Пленяет ей подвластных
Иначе: после смерти
Рабов земли несчастных,

Венчая их под сенью
Им отданного рая,
Чтоб жизнь земную тенью
Затмила жизнь вторая:

Блаженная награда
За все земные муки,
То вечная услада
За годы из разлуки...

Но хватит слов поэта!
Здесь пафос неуместен!
Мы всё равно всё это
С тобой увидим вместе.

«Душе»

Вперёд, душа моя, вперёд! —
В твоих руках ближайший вечер.
Набрось скорее тонкий плащ на плечи
И устремляйся в свой полет.
Тебя не ждут на небесах,
Тебя не ждут гораздо ниже,
Но ты летишь всё ближе, ближе, ближе
К мечте о явных чудесах.

Холодный ветер, острый снег
Тебе в лицо бросает вьюга,
Но ты презрела жар и ласки юга,
Тебе не нужно тёплых нег.

Ты рвёшься в мир жестоких нот,
Чтоб напитаться страстной силой,
Чтоб перестать примерной быть и милой,
И поразить честной народ;

Ты хочешь в центре воссиять,
Ты хочешь править этим балом,
Ты хочешь быть любимой этим залом —
Ты хочешь этого опять.

Лети сквозь тысячи преград,

Лети туда, куда хотела,
А мы, на пару с опустевшим телом, —
Мы будем ждать тебя назад.

29 ноября 2004

«Ты будешь вечно со мной»

Оставь рассвету печаль —
Пушкой сгорает в заре;
Пусть утро мокрую сталь
Перекуёт в серебре.
Твои тревожные сны
Впитает свод голубой,
И, как объятья весны,
Ты будешь вечно со мной.

Твоё святое лицо
Улыбки свет озарит,
Тесней сжимая кольцо
И в пыль стирая гранит.
Забыв чужих голоса,
Я стану чистой струной
И пропою в небеса:
«Ты будешь вечно со мной...»

Огонь пылающих губ
С твоей сольётся щекой
Звучаньем сладостных труб,
Спешащей к морю рекой.
Пусть месяц в небе рогат,
Пусть льёт полуденный зной,
Пусть погибает закат —

Ты будешь вечно со мной!

12 ноября 2005

«О, как ты эффектна в зеркальных очках...»

О, как ты эффектна в зеркальных очках!
Мне мил их серебряный цвет.
Всего, что обычно мелькает в зрачках,
На гладкой поверхности нет.
Хрустальные линзы блестят, как слеза —
К ним зайчик лучистый приник.
Ты смотришь как будто мне прямо в глаза —
И в сторону в этот же миг.

Мы тихо сидим на скамейке вдвоём,
Наш мир неподвластен часам.
И кажется мне, будто в сердце твоём
Теперь отражаюсь я сам.
Я вздрогнул, взволнованно взгляд опустил,
Но тотчас же поднял опять,
И грустно вздохнул, не найдя в себе сил,
Чтоб с глаз твоих зеркало снять.

Мы рядом сидели в апрельском тепле,
Нас страстно друг к другу влекло.
Я думал тогда о зеркальном стекле,
Что это простое стекло.
Очки не скрывали эмоций твоих,

Ведь сердце нельзя обмануть.

С единственной целью ты спряталась в них —

Чтоб пристальный взгляд подчеркнуть.

13 апреля 2005

«Я и ты»

Я – тот неизвестный любимой поэт,
Которого в сердце возлюбленной нет;
Я – пламень на тонкой венчальной свече,
Я – ангел, что спит у неё на плече.

Я – тот, кто в пыли электронных зеркал
Единственный милый мне лик отыскал;
Я – тот, кто надеется, верит и ждёт,
Что это письмо адресата найдёт.

Я – тот, кто судебник небесной любви
Писал, обагрив страницы в крови;
Я – тот, кто готов для любимой предать
Перо золотое и виршей тетрадь.

Я – тот, кто во имя любимой готов
Скитаться, оставив отчизну и кров,
Скитаться, чтоб чувства свои донести,
Взаимность иль страшную смерть обрести.

Я – тот, кто готов позабыть или сжечь
Мне данную небом родимую речь
И выучить тот непонятный язык,
К которому разум Твой ясный привык.

Я – тот, кто готов за Тебя умереть,
Принять на Суде раскалённую плоть
За те, за земные грешки и грехи —
За все посвящённые страсти стихи.

И я, опрокинутый в дьявольский ад,
Торжественен буду, спокоен и рад
Тому, что нелепою смертью своей
Я ключ Тебе отдал от райских дверей.

Пусть взгляд Твой увидеть при жизни не смог,
Успел написать лишь один эпилог,
Не дожил до нового пусть декабря...
Ты стала святою – я умер не зря!

2004

«Любовь и красное»

Великий красный цвет – прекрасные оттенки!..
При виде их стучит в висках живая кровь:
Мне даже ровный вид глухой кирпичной стенки
Напоминает страсть по имени любовь.
Я для неё живу и вижу в свете красном
Насыщенный теплом кругом царящий свет.
Я жив, покуда он питает жаром страстным
Моё цветенье – дар горячих юных лет.

Лица коснётся вскользь застенчивый румянец,
И ты всего на миг глаза опустишь вниз —
Но снова застит взгляд таинственный багрянец...
Всегда смотреть в упор отныне глаз девиз:
В глазах горит огонь, в глазах мерцает голод,
В глазах бушует страсть и плещется вино,
А сердце рвётся вон и бьётся, словно молот —
В нём Ватерлоо, Лейпциг и Бородино.

Когда его пронзит своим горящим видом
Предмет любви – так грудь насквозь пронзает меч —
Ни траур чёрных дум – то дань былым обидам,
Ни жёлтый страх – за то, что тяжело сбересть,
Ни жажда отомстить – в слепых, бесцветных пятнах,
Ни зависти череда из злых зелёных снов
Не отвлекут тебя от чистых и приятных

Бушующих, живых, алеющих тонов.

Сгорая изнутри от пылкого цветенья,
Так хочется отдать любви всего себя:
Поджечь младую кровь без страха и сомненья,
Весь мир поджечь – чтоб он дотла сгорел, любя.
Так в чём причина? Как понять секрет сердечный?
Внутри сердец сокрыт единственный ответ:
Когда его опять вопрос встревожит вечный,
Задумайся о том, какой у крови цвет.

2005

«Напоследок»

Неужто ты, со мной прощаясь,
Уйдёшь так просто и легко,
И, безмятежно улыбаясь,
Исчезнешь где-то далеко?
Неужто ты не можешь нежно
Поцеловать меня хоть раз,
Чтоб я забыл о вихрях снежных
Твоих пустых, надменных фраз?
Прижмись ко мне, как будто в первый
Раз целоваться будешь ты.
Волнение прочь, забудь про нервы,
Жги за собою все мосты.
И наплевать на то, что мимо
Проходят тысячи людей —
Нам близость губ необходима,
И мы должны отдаться ей!

2003

Последний день семестра

«СНЫ»

Я восседаю на высоком троне,
В руках качаю точные весы;
Я царь, король, султан, монарх в законе,
Наместник Бога в тяжкие часы.

Я деспот, деспот с тысячью наложниц!
Но среди подвластных мне сердец и тел,
Среди сотен танцовщиц, певиц, художниц
Нет ни одной, которой бы хотел

В любви признаться, на коленях стоя,
Как жалкий, хилый и презренный раб...
Во мне скорбит Итака, плачет Троя,
Дымится Карфаген – о, как я слаб!

Я слаб в любви своей неразделённой,
Я слаб, я целиком подвластен ей,
И я живу, печалью утомлённый,
Мечтая удалиться в мир теней.

Но очень часто в сумерках, под вечер,

Я надеваю бедный, рваный плащ
И в предвкушенье долгожданной встречи
Спешу под сень лесных прохладных чащ.

В саду, где бьёт ключом исток прозрачный,
Вдали от ненавистного дворца,
Я прячусь средь листвы – угрюмый, мрачный,
Чтоб умолять всевышнего Творца

Позволить мне увидеть на мгновенье
Тот статный шаг, улыбку и глаза,
Чтоб мог пред ними пасть в благоговенье,
Чтоб из-под век упасть могла слеза.

Но Бог в ответ в лицо грозу бросает,
И тяжелы потоки, как свинец,
И молний свет мой скорбный дух терзает...
Я ухожу обратно во дворец.

Усталою, дрожащею рукою
Я кубок подношу к своим устам,
И, осушив его, спешу в покои
Чтоб ненадолго сном забыться там...

Я просыпаюсь. Сумрак предрассветный,
Тяжёлый воздух, клетка на окне,
Свод стен сырых и потолок бесцветный —

Все то, что хорошо знакомо мне.

Я снова закрываю взгляд рукою

И снова сновидения зову...

Я очень часто вижу в снах такое,

Что я мечтал бы видеть наяву.

2004

«Последний день семестра»

Я промучился полгода:
Голодал, не спал, влюблялся,
Погибал среди народа,
Тосковал – но я дождался!
И в последний день семестра,
Согревая сердце верой,
Я ищу среди нот оркестра
Ту, что станет лучшей мерой.
Я ищу такие звуки,
Чтоб в душе сложились счастьем,
Чтобы, взяв друг друга руки,
Мы развеяли ненастье,
Чтобы вера, та, что греет,
Оставалась с нами вечно.
Знаю я – удача реет
Над землёй дорогой млечной,
И, ступив на ту дорогу,
Мы придём на край Вселенной:
К света чистому порогу,
И к мечте, для нас нетленной...
Но смолкают тихо ноты
И гармонии убранство;
Музыкальные длинноты
Испаряются в пространство,
Тонкой струйкой утекая

В неба тёмную громаду,
Зыбкий путь к воротам рая
Оставляя нам в награду.

2003

«Тот, кто мне нужен»

Увы, я слаб. Я знаю эту слабость в лицо,
И имя ей – постылая лень.
Она вокруг меня сжимает плотно кольцо,
На жизнь бросая чёрную тень
Порывы страсти резкой раздувают пожар,
Воспламеняя сердце опять,
Но я впустую жгу свой пробудившийся дар,
Не в силах ничего предпринять.

И в полудрёме я лежу среди пыльной тоски,
Роняя на бумагу перо...
И в серых буднях жизни света нету ни зги —
Увы, моё преданье старо.
Но я бы мог всё изменить, пустив под откос
Нелепый и ненужный свой век.
Я приготовил свой ответ на вечный вопрос:
Мне нужен друг – другой человек.

Мне нужен тот, кто не сидит на месте один
И ждёт, когда придёт его срок;
Мне нужен тот, кто сам своей судьбы господин,
Кто честный, но азартный игрок;
Мне нужен тот, кто видит грань меж злом и добром,
Кому неведом страх и упрёк;
Мне нужен тот, кто щит и меч сражает пером,

Кто, разум холя, сердце сберёг;

Мне нужен тот, кто, выбрав свой единственный путь,
Сметёт любой забор и барьер,
Кто может рок случайный в рог бараний свернуть,
Кто может с места прыгнуть в карьер;
Кто не медали – честь повесил слева на грудь,
Прикрыв её простым сюртуком,
Всегда готовый настезь свой сюртук распахнуть,
Была бы только надобность в том;

Он должен быть поэтом, чтоб меня понимать,
И чтоб я мог его полюбить
Как брата, как отца, и как сестру, и как мать,
Чьи имена нельзя позабыть;
Чтоб утром, встав до самых первых из петухов,
Он крепко взял меня за грудки,
Сказав: *«Пойдём на поиск новых рифм для стихов,
Достойных нашей славной строки»*;

Чтоб шла толпой за нами вереница из муз:
Ведь он поэт – я тоже поэт!
Нас двое, он и я: мы нерушимый союз,
Мы вечный, идеальный дуэт;
Чтоб мы, чеканя шаг по спинам улиц кривых,
Смотрели на восход и закат,
Подмигивали стёклам окон вечнослепых,
И хором сочиняли трактат:

Трактат о всём насущном – жизни, смерти, любви,
О силе, скрытой в каждом из нас,
О ветхой старине и о манящей нови,
О смысле, незаметном подчас;
О том, что «эпилог» ещё не значит «конец»,
Пока кипит в артериях кровь,
О том, что унисон двух равноправных сердец
Из пепла возрождается вновь.

август 2004

«Времена и нравы» (стихи о театре)

Мороз был дьявольский, и я собрался спать,
Но, объяснив мне, как я сильно ошибался,
Они отняли одеяло и кровать,
И приказали, чтоб я быстро одевался.

Надев поверх тулупа бабочку и фрак,
Я поспешил занять положенное место,
Вдохнул в себя кулисный гул и полумрак,
И пригрозил устроить полную фиесту.

И тут же занавес подняли до небес,
И я увидел тьму, а в ней мелькали лица.
Вот чёрт! Сломал-таки ребро проклятый бес! —
Ведь угораздило же так вчера напиться...

Но, стиснув зубы и уняв в коленях дрожь,
Я колоссальными усилиями воли
Отвел свой дикий взгляд от тех глумливых рож,
Сосредоточив разум в рамках главной роли.

Нас было много – мы играли как один,
Игрой друг друга бесконечно наслаждаясь;
Мы не жалели ни проплешин, ни седин,

Мы за искусство умирали, возрождаясь.

Из наших ртов валил клубами белый пар,
И мы орали не своими голосами.
Спектакль наш был похож на ядерный удар,
Мы все прекрасно понимали это сами.

Нам было жарко – с наших лиц струился пот,
И мы срывали пиджаки и телогрейки,
Но нас измучила игра высоких нот —
К концу шестого часа сели батарейки.

И, оступившись, с жутким грохотом упал
Я на глазах у многоярусного зала,
И подавился громких вздохом этот зал,
Но длань искусства путь к спасенью указала.

И я поднялся, допевая свой куплет,
Последней фразой разрывая в клочья души,
И мне в затылок пулей плюнул пистолет,
Своим последним словом занавес обрушив.

Не помню, как мы выползали на поклон,
И почему кричали все «Виват» и «Браво»,
И кошельки летели в нас со всех сторон...
О, времена, я обожаю ваши нравы!

«Лицейский вальс»
*(стихотворное прощание
с Пушкинским лицеем №1500)*

8

Миг расставанья настал.
Каждый сейчас одинок.
Шумом наполнился зал —
Это Последний звонок.
Здравствуй, Грядущее! Свет
Нам на дорогу пролей!
Мы же последний куплет
Вам посвящаем, Лицей!

9

Нас провожают с тобой
Все, кто ещё не ушел,
Нас ожидают с тобой
Тысячи жизненных школ.
И, поступив в институт,
Став на порядок взрослей,
Вспомним мы тяжкий наш труд,
Вспомним и этот Лицей.

10

Что ж ты молчишь, выпускник?
Где твоя пылкая речь?
Лоб почему-то поник,
Статность обрушилась с плеч,
Царствуют скорбь и печаль
В траурной позе твоей...
Просто мучительно жаль
Этот покинуть Лицей!

11

Жаль... Но иного пути
Не предоставят года:
Всем нам придётся уйти,
Раз – и уже навсегда.
Трель утихает... финал...
Сколько блестящих огней...
Хором – за всё, что он дал! —
Скажем: «*Спасибо, Лицей!*»

11 мая 2005

«Учителям»

Что учитель? Кто он и откуда,
И каков его жизненный путь?
Может – знаний ненужная гряда,
Разменявшая разумом грудь,
Где нет места для чувств и для сердца,
Где нет места для чистой любви,
Где избыток солёного перца,
И ни капли горячей крови?
Для чего он всю жизнь, каждодневно,
Жжёт свой чистый и искренний дар,
Иступлённо, восторженно, гневно
В наши кубки льёт знаний нектар?
Он сжигает себя не напрасно:
Он во мраке горит, как костёр,
Грея Истину ярко и страстно
В тех, кто к пламени души простёр.
Он талант – он поклонник навеки
Дела света и дела добра.
Острый взгляд он не прячет под веки,
Его доблесть, как небо, стара:
Он сторонник классической чести,
Он готов за неё умереть,
Он не верит обманчивой лести —
Его ложь не способна согреть.
Силы, данные Богом для жизни,

Он готов положить на алтарь,
Людям, Небу, Царям и Отчизне
Клясться в вере, сжимая букварь.
Каждый миг ваш – во имя прогресса
И движения вверх и вперёд.
Что вам боль и мучения стресса? —
Ведь бессмертен ваш вечный черёд.
И герои грядущих столетий,
Окрылённые светлой мечтой,
И таланты из новых соцветий —
Это ваш монумент золотой.
И рождение нового века
Отмечает разумная сень
В День Учителя – День Человека,
Создающего завтрашний день.

2004

«Новогодняя баллада»

Новый год... И нет чудесней
Дня, чтоб встретить утро песней,
Поспешая в нужный магазин.
Я ещё не встал с дивана,
Зажигать пока что рано —
В зажигалке кончился бензин.

В разговоре телефонном
С другом, трезвым и бессонным,
Утверждён момент поднять чаш.
Следом друг второй. И третий.
Нынче не рубеж столетий,
Значит, будет скромным праздник наш.

В душе, крохотном и душном,
Духом всем своим тщедушным
Закричал (мой ужас был велик),
Рассмотрев в парах горячих
Длинный ряд зеркал незрячих,
Отражавших чей-то жуткий лик.

Сполоснувшись в тёплых струях,
(Отраженья – к чёрту, ну их!)
Я залез в разгромленный буфет;
Волосам добавив лоску,

Я достал из шкафа доску,
Чтоб прогладить брюки и жилет.
Сеть нашёл под слоем пыли —
Из приемника завывли
Иностранным голосом враги.
Не успев прибрать берлогу,
Услыхал: к её порогу
Подошли нетвердые шаги.

В дверь звонок – и входит первый:
На лице застыли нервы,
И во всех карманах пузыри.
В портсигаре папиросы —
В них ответы на вопросы
И забвеньё с ночи до зари.

Сбросив куртку вверх подкладкой,
Друг своею мертвой хваткой
Мне пожал стремительно ладонь.
«Нынче крепость белых рухнет», —
Он сказал уже на кухне,
Разжигая газовый огонь.

Я вино достал и пиво.
Улыбнулся друг счастливо
И бокалы выставил на стол.
Мандарины – на закуску.
Не давая пьянству спуску,
Друг упёр бутылки тело в пол...

Прямо в глаз он выбил пробку;
Из груди рванул неробко
Яркой нецензурности вокал.
Из его разбитой брови
Полились потоки крови,
Наполняя доверху бокал.

Пластырь, два глотка наркоза —
Рыцарь красно-белой розы
Вновь к осаде крепости готов.
Вылив кровь из тары, просто
Помолчали вместо тоста.
Накатили. Было пять часов.

В шесть пошли встречать отставших,
Нам заранее пославших
От себя большой-большой привет.
Воздух стал свежей и чище;
Небо, снега пепелище
Освещал реклам неонных свет.

До метро трамвай грохочет.
Друг сказать мне что-то хочет,
Но не слышно смысла слов его.
Мрамор грязный в подземелье...
Пьют вдвоём от скуки зелье
Други из стакана одного.

«Здравствуй, друг!» – «Тебе того же...»

Покраснение по коже

Побежало – стыд свое берёт:

Пузыри попрятав в сумки,

Перед нами встав по струнке,

Ждут приказа «Вольно!» и «Вперёд!»

В ряд идут четыре. Каждый

Был проверен не однажды,

Заслужив прозвание «молодец».

Мы идём единым строем,

Мы спокойны перед боем:

Опыт – он спокойствия отец.

Вдруг волненье в ровном строе,

Всполошились враз герои,

Заблестели пятна ясных глаз:

«Сколько взяли?» «Ящик». «Мало!»

«Одного всегда хватало,

Значит, хватит нам и в этот раз».

Наконец-то дом. И сразу

Огромнейшую вазу

Наполняем ровно до краёв.

Наши взоры нежно грея,

Из бутылок батарея

Ждёт своих решительных боёв.

Из дальнейшей нашей оды

Помню только эпизоды:

Очень скоро сделалось темно.
Бились мы в борьбе неравной,
Поле битвы нашей славной
Заливало крепкое вино.

Вдруг поток речей подстольных
Громкий бой часов напольных
Перебил – я ставил их вперёд.
Снова выбив в стену пробку,
Я локтем нажал на кнопку:
Нынче телевизора черёд.

Там каналов очень много,
Но на каждом лик от Бога
Речь, строкой бегущую, несёт,
Поздравляя с годом Новым:
Прошлый был опять хреновым,
Стало быть, в грядущем повезёт.

Оторвавшись от паркета,
Я пополз к дверям буфета
И заметил чей-то портсигар...
Затянулся – дым жестокий
Превратился в эти строки,
Смазав многоградусный угар.

Перечёл, вздохнул и, снова
Перечтя, всё слово в слово
Повторил, залез на жесткий стул,

Оглядел друзей храпящих,
И, заткнув экранный ящик,
Со спокойной совестью уснул.

2005

«Мечты о Петербурге»

За все мои шестнадцать лет
Про много разных стран
Мне спели песенный куплет
И голубой экран;

А пыль желтеющих страниц
Шептала в сердце мне
Про красоту чужих столиц
И истину в войне.

Но, кроме прочих государств
И прочих городов,
Я знал про град великих царств
И царственных родов.

Оттуда Русь вступила в свет,
Шагнувши сквозь окно;
То был Европе наш ответ —
Спонтанно и умно.

Но никогда я не был в нём —
И это мой позор!
Не видел жгущий, как огнём
Янтарных комнат взор;

Не видел купола, кресты
Соборов и церквей,
Каналы, реки, и мосты,
Портрет его людей;

Не видел, как встаёт заря
В меди Петровских шпор...
Ах, неужели жизнь зазря
Я прожил до сих пор?

Но нет, не зря! Ведь я мечтал,
Забыв упрёк и страх!
Я всею силою блистал
На Невских берегах;

Я слышал пение ветров
На улицах прямых;
Я был угрюм, я был суров,
Глядя на львов немых;

Я монумент себе воздвиг
С поэтом наравне; —
Я помню каждый час и миг,
Мной прожитый во сне.

Я пил дожди, вдыхал туман
Всю ночь и до утра,
И сквозь чарующий дурман
Я видел лик Петра.

О, Пётр, бессмертный мой кумир,
Царь-деспот, царь рабов!
Ты закатил прещедрый пир
Над склепом без гробов,
И он, отдав свой тленный сок,
Взрастил чудесный сад.
И страсть стучится мне в висок,
И нет пути назад.

Вперёд – чтоб красною стрелой
В его вонзиться грудь,
И души тонкой сшить иглой,
И свежий шов стянуть!

август 2004

«Десятилетье»

Десятилетье за спиною —
Оно ушло, ушло навек.
Одних оставивши с виною,
Другим моргнувши взмахом век.

Скрижали каменных заветов
Оставил третьим этот срок
И кто страшится их запретов
Тот в глубине души пророк.

Четвёртым – призрачные тени,
Не тёмных, нет, а белых сил,
Что высекают искры лени,
Коль ты об этом их просил.
Оно мостом явилось пятым
Меж двух отвесных берегов,
Путём из детства в юность святым,
Дорогой Жизни средь снегов.

Шестым – ступени первых лестниц,
Вверх возносящих до небес,
Разумный шепот мыслей-вестниц,
Безостановочный ликбез.

Седьмым небесные алмазы

Судьба просыпала в карман.
Для них влюбленные проказы —
Триумф сердец, а не обман.

А для восьмых все эти годы
Не годы вовсе, и не миг:
Весенних дней живые воды,
Что отрывали взгляд от книг.

Девятым грезилась химеры:
Мечи, горящие огнём,
И блики зеркала Венеры,
И Марс воинственный с копьём.

Десятых с первого мгновенья
Увлёк с собою звёздный свет,
На тьму вопросов и сомнений
Проливший Истины ответ.
Для всех по-разному минули
Те десять долгих школьных лет.
Они ушли, и вы вернули
Им вечной памяти привет.

Вспоминанья нитью млечной
В душе остались – посмотри!
Десятилетье помнит вечно,
И навсегда оно внутри.

И как бы необыкновенно

Ни представлялось вам оно,
Десятилетье – неизменно,
Десятилетие – одно!

2005

Мир Теней

«Безысходность»

Безысходно нам на сердце,
Безысходно на душе:
Всё продали изуверцы,
И пропили всё уже.
Тлеют угли по надежде —
Задувает ветер их,
Жаль, не будет так, как прежде:
Скорбь о прошлом – глупый стих.
Скучно ждать и скучно верить.
Ищем выход мы во снах.
Снами будем счастье мерить,
С нами их эфир и прах.
Хватит думать! Помнить – хватит!
Позабудем и... уснём:
Наши чувства силы тратят,
Всё живя вчерашним днём.
Скучно тлеют угли веры,
Сыпя пепл надежд на сны;
Нам нужны иные меры,
Мы – грядущего сыны.

2003

«Душа и разум»

Душа и разум – это плата
За меркантильный выбор твой;
И жёлтым блеском светит золото,
И не смолкает льстивый вой,
И все как будто бы мечтают
Сдуть пыль с Ваших плеч,
И дамы млеющие тают,
Мечтая в рай с собой увлечь.
Но за спиной толпятся тени,
И только совесть видит их.
Она, вставая на колени,
Петь начинает вечный стих:
*«Остановись пока не поздно,
Пока не вспыхнул путь назад,
Не то судьба десницей грозной
Навечно бросит сердце в ад!»*

2003

«Мир теней»

(посвящение Платону)

В пол упершись недвижимо коленями,
Вижу в лучистом и тёплом огне
Собственный, вылитый чёрными тенями
Профиль на залитой солнцем стене.
Собственный профиль – и гладкий, и сглаженный:
Плавные линии мягкой волной
Лоб обтекают манерой отлаженной,
Пользуясь памятью света одной.
Лоб опускается в дуги надбровные,
Следом – провалы глубоких глазниц...
Сколько же раз эти линии ровные
В тень обращали величие лиц?
Мягкие губы, и нос возвеличенный,
И подбородок как будто не мой.
Ровный, ничейный, пустой, обезличенный
Профиль – чернеющий, гладкий, немой...
В мире, где нет беспристрастного зеркала,
В мире, далёком от мира идей,
Гордость людская людей исковеркала,
Сделав их сонмом безликих теней.

«Моя победа»

*«Непобедимая победа
За дверью тонет и горит...»*

Ю. Шевчук

*«Не победи, моя победа,
Прошу тебя, не победи!..» —*
Я повторял в объятьях бреда,
Рыдая на его груди.
Я был один на этом свете,
Покинут всеми и забыт —
К чему мне кровь тысячелетий,
К чему мне дерзкий славы стыд?
Ах, я герой? Моё геройство —
Клочок оторванной земли;
Уж таково победы свойство:
Рождаться в грязи и пыли.
Но мне... но мне какое дело?
Ведь я уже почти остыл;
Моё израненное тело
Прикроет войска голый тыл.
*«Мне наплевать на всех живущих,
Мне наплевать на всех на них...» —*
Я тихо проклял власть имущих,
Вздохнул поглубже и затих.

2004

«Жизненный путь»

Проснись, мой друг, проснись! Нельзя нам ждать ни мига.

Ведь беспощаден бег убийственных часов.

Огнём горит заря, натянут парус брига —

Сегодня мы с тобой *меж чашами весов*.

Сегодня мы должны решительно решиться

Оставить в прошлом жизнь прошедшую свою.

Сегодня пробил час, сегодня все свершится!

Сжигаем сундуки – не место им в раю.

К чему тебе шатры из атласа и шёлка?

Неужто злата блеск твой взор не утомил?

В камнях дорогих нет никакого толка.

Не будет никогда тебе насильно мил

Жар купленной любви и дружбы, в долг занятой.

Пустое это всё. Поверь моим словам:

Нет лучше ничего сумы в дорогу взятой —

Так после на роду судьба напишет нам.

Пойдём туда, где нас ждут сосны-великаны.

Туда, где мирно спят седые валуны.

Поднимем вверх свои гранёные стаканы,

И выпьем ими свет серебряной луны.

Закусим пылью звёзд, рассыпанных по небу,
И на сыром песке приляжем отдохнуть.
А утром, помолившись зрелищам и хлебу,
Продолжим натошак свой бесконечный путь.

Мы землю обойдём от края и до края —
И твердь материков, и бурный океан.
И хором пропоём: не надо, братцы, рая,
Ведь рай земной и так давно нам свыше дан.

И, может быть, тогда признают нас святыми,
И в каждом божьем храме станут наливать.
Мы будем дальше жить заветами простыми,
Любя своих отцов и обожая мать.

А через много лет, когда придёт за нами
Проклятая карга, грозя своей косою,
Простимся навсегда со свежими ветрами,
И тленные тела укутаем росой.
И будет много роз и искренних рыданий
Просыпано во время пышных похорон,
И наши имена уйдут во тьму преданий,
Чтоб подпереть церковей шатающийся трон.

А суд на небесах нам в души взглянет строго,
Почешет светлый нимб, читая приговор,
И мы пройдем свою последнюю дорогу —
До запертых замком тяжёлых райских створ.

И сам апостол Петр, подрезав крылья наши,
В напутствие прочтёт талмуд святых речей,
Что рай совсем не так, как чёрт малюет, страшен,
И навсегда простится грохотом ключей.

И смело ступим мы в обитель жизни райской,
И с песней заживём среди его чертог;
И, возлежав тени березы вечномайской,
Сумеет подвести свой жизненный итог.

Мол, жили хорошо и жили не напрасно, —
Не грех и небеса вдохнуть в седую грудь!
Но мысль стучит в висках, стучит до боли страстно:
Дай Бог и остальным пройти наш трудный путь.

9 августа 2004

«Наш мир»

Целый мир – вот он рядом с тобою,
Ты живёшь среди мира химер.
Он исполнит желанье любое,
Его щедрость – мерило без мер.
Избавленье дарует он душам
От ненужных, бессмысленных дум,
Тех, чей смысл – только зыбкая суша,
Лишь пустой и навязчивый шум.
Для чего тебе думать? Не надо!
Все, кто думал, в забвенье ушли.
Их, философов мудрое стадо,
Ни в аду, ни в раю не нашли.

2003

«Новые философы»

Мы можем льстить себе угодливо
Уменьем жить в своей реальности,
Что беспрестанно и уродливо
Малюет нам свои банальности.
А можем в омут неизведанный
Нырнуть на самой полной скорости,
Чтоб разум, наш помощник преданный,
Поджарил нас на дури хворосте.
Конечно, мы – народ решительный,
И на ноге короткой с Вечностью,
А потому за разрушительный
Сценарий каждую конечностью
Проголосуем, без сомнения,
Чтоб в жизнь свою добавить специи
И испытать на прочность мнения,
Что бытовали в Древней Греции.

Мы прём маршрутом укороченным,
Глотая капсулу познания,
И вниз по лезвиям заточенным
Скользим к истокам мироздания.
И мимо нас с момента вскрытия
Летят мудрёным заклинанием
Всё те же самые события
С чуть-чуть иным их пониманием.

2009

«Дорога в никуда»

(А. Х.)

*Мы дружно прыгнули тогда
В пучину дерзких путешествий,
Ведь жизнь – всего лишь череда
Разнообразных сумасшествий.*

Друг друга приметив в толпе,
Два друга от встречи до гроба
Сошлись на отвесной тропе,
Которую жаждали оба.

Из снов и фантазий своих
Соткали они одеяло;
Три тысячи миль на двоих
Им преодолеть предстояло.

Одиннадцать суток подряд,
Не чувствуя страха и боли,
Они наркотический яд
Курили, глотали, кололи.

И было им не до забав —
Они забавляться не смели.
Пред ними небесный устав

Поставил конкретные цели:

Дойти, доползти до конца
Пустынной и тёмной аллеи
Пытались по воле Творца
Потомки погибшей Помпеи,

Последние из Могикан,
Два пасынка падшей вселенной,
Скрутившейся в алчный аркан
И ставшей конечной и тленной.
Они доходили до дна,
Чтоб в лучшее вера окрепла,
Но замков воздушных страна
Осыпалась горсткою пепла.

Насупился космос, как гриф,
И мимо мелькнула комета,
Всего лишь на миг подарив
Осколки разбитого света.

В удушливой сумрачной мгле,
Обитатели злых безобразий,
Застряли они на игле
Своих философских фантазий.

Сорваться, сойти, соскочить
Они оказались не в силах...
Так лопнула тонкая нить,

И кровь заморозилась в жилах.

октябрь 2008, ноябрь 2015

«Через Стикс»

Я перепил и почти что спал,
Но, отгоняя свой идефикс,
Я доворочался и попал
В ладью, плывущую через Стикс.
От шпилей мачт и по самый трюм
Здесь вонь такая, что хоть вопи.
Старик Харон как всегда угрюм,
И Цербер головы рвёт с цепи.

Ладья беззвучно скользит вперёд,
А рядом с бортом плывёт кровать;
Меня кошмарит и адски прёт,
Но всем вокруг на меня плевать.

У всех вокруг достаёт своих
Напрягов, трудностей и проблем:
Будь ты при теле как леший лих,
Здесь ощущаешь себя никем.

Я вижу кладбище вдалеке
И слышу шёпот сырых могил —
Я постепенно вхожу в пике
И очень быстро лишаюсь сил.

Меня срывает в жестокий крен,

И сломан мыслей моих штурвал.
Вокруг – терзающий вой сирен,
А за кормою – девятый вал.

Секунды медленно прочь текут,
Как тёмной ночью в мороз без муз;
Я жду, когда нас доволокут
И отоварят, как мёртвый груз.

Мне надоело скорбеть и выть
О неслучившемся и былом;
Скорей бы, боги, уже доплыть
И насладиться желанным сном.

июль 2009, ноябрь 2015

«Приказ по армии: стрелять!..»

«О смерти»

Есть такие, кто мнят: нету разницы в том
Где и как умирать, в землю падать пластом,
Лишь бы только мгновенно, внезапно и вдруг,
Чтоб не чувствовать боли предсмертной и мук.

Нет, неправда! Конечно же, это не так:
Если ты – убиенный в одной из атак,
Тех, что бросила в бой непонятная власть,
Знай, что в сердце тебе враг обязан попасть.

Если кровью истёк или умер от ран
В час, когда вместе с фронтом ты шел на таран,
Путь до рая заказан тебе в этот раз,
Если ты не повесил отдавших приказ.

Если ты в обороне, спокоен и горд,
Отступаешь под натиском вражеских орд,
Знай: тебя никогда не помянут виной,
Если только ты смерть не поймаешь спиной.

Годы мирные тоже бывают порой,

И тогда тот великий пример и герой,
Кто на фоне спокойной, глухой тишины
Отыскать умудрился предлог для войны,

Мертвой хваткой вцепился, погоны надев,
В погань – ту, что калечит невиннейших дев
И погибель несет неразумным сынам,
Чтобы в хлам обратить государственный храм.

Им, несущим дозор от зари до зари,
Состоящим всегда «исполнении при»
Смерть, до срока пришедшая, – долг, а не суд:
Судят только на небе и только иуд.

Но, хотя решена уж судьба сволочей, —
Даже ад в предвкушении стал горячее! —
Быть трусливой и подлой их гибель должна:
От удавки иль вбитого в спину ножа.

Что другим остается? Перина, постель,
Иль некстати ударивший в голову хмель?
Катастрофы машин ритуальный обряд?
С подоконника шаг или выпитый яд?

Здесь несложно расставить все точки над «ё»:
Алкоголиков пусть убивает питьё,
На перинах отходят пускай старики,
Кто работал, не зная ленивой тоски.

Случай назван несчастным совсем неспроста:
В нём едва ли погибнет доживший до ста.
Затонувший корабль, лайнер, шедший на взлёт,
Забирают с собой тех, кому не везёт.

Над планетой сторонникам опытов злых
Предназначена смерть в катаклизмах земных:
Дрожь платформы, вулкан, ураган и потоп
Жаждут тех, кто в земное вцепился, как клоп.
Наконец, есть последняя каста иль вид:
Смерть для них не погибель, а лишь суицид.
Этот путь тем хорош, что решаешь ты сам,
Только он закрывает тропу к небесам.

В нём романтики нет и на ломаный грош —
Только траур для тех, чьи сердца разорвёшь
Тем, что шагом бездумным себя порешил,
Что по глупости жизни огонь затушил.

Смерть бессмысленна – есть оправдание ей,
Если гибнешь во имя великих идей.
Но зачем самому устанавливать срок?
Пусть пекутся о том Провиденье и Рок!

2005

«Бункер»

В подземелье, укрытом пластами земли,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.